

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ПРЕПОДАВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВЕДЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В СТАРОМ ВИЛЬНЮССКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

А. КАУПУЖ

В 1821 году профессором русского языка и словесности в Вильнюсском университете был избран И. Н. Лобойко.

В 1824 г. Лобойко (наряду с преподаванием русского языка и литературы) начал читать курс „Краткий очерк сравнительной грамматики русского, польского и старославянского языка“ [23, л. 20]. Его знания в области славянских языков и интерес к их изучению во многом могли способствовать успеху этого курса. (Преподавание старославянского языка Лобойко начал еще раньше, в 1822 г.)

В истории дидактики славянских языков в высших учебных заведениях России и Запада курс Лобойко в Вильнюсском университете явился одной из первых попыток ознакомить студентов со сравнительной грамматикой славянских языков. Если учесть приближавшийся к университетам по уровню преподавания Кременецкий лицей, то хронологически курс] Лобойко был четвертым:

1. В 1816 г. Я. Александровский ввел историческое сравнение русского и польского языков в начале курса русской литературы в Кременецком лицее [4, стр. 720; 21, л. 20]. Это „сравнение“ затем переросло в „высшую грамматику русского языка“ и „историческое и филологическое сравнение русского и польского языков“¹.

¹ По запискам О. Новицкого (к какому точно году относятся описываемые Новицким занятия, не известно) можно дополнить работу П. Н. Беркова и восстановить план лекций Александровского. Александровский в Кременце преподавал „Traktat wyższej gramatyki rosyjskiej, w drugim zaś roku tego kursu historyczne i filologiczne porównanie języków rosyjskiego i polskiego wyłuszczał dla głębszego własności i przyrody onych objaśnienia i poznania [...] A) Porównanie historyczne (ruskiego i polskiego języków. — A.K.). B) Porównanie filologiczne. Czy język rosyjski, czy też polski bliższym jest dawnego słowiańskiego [...]. Porównanie przypadków rosyjskich i polskich [...], porównanie czasów [...], porównanie imiesłów [...], porównanie [...] we względzie [...] złączenia wyrazów z przyimkami, złączenia dwóch albo trzech wyrazów w jeden. Porównanie tych dwóch języków we względzie wyrazów do odcieleniania różnych stylów służących [...], porównanie [...] co do układu wyrazów w mowie, co do akcentu lub

2. С 1817/1818 учебного года Е. С. Бандтке читал в Ягеллонском университете курс „Сравнительной грамматики славянских языков“. Содержание лекций его нам не известно, но на основании трудов ученого Т. Лер-Сплавинский и С. Урбаньчик предполагают, что курс Бандтке прежде всего мог состоять из сравнения графики и грамматики славянских языков и что Бандтке строил его, опираясь на труды И. Добровского и собственные исследования [43, стр. 166–167].

3. С 1818 г. П. П. Гулак-Артемовский, хорошо владевший польским языком², знавший ряд польских писателей, в том числе и А. Мицкевича [1, стр. 97–110], ввел в преподавание польского языка в Харьковском университете экскурсии в другие славянские языки („церковно-славянский, чешский, боснийский, каринский, долматский, рагузский, славонский, виндийский, моравский, силезский“), — как он заявил на страницах „Украинского вестника“ в феврале 1819 года [2, стр. 696; 14, стр. 6].

4. С 1824 г. И. Н. Лобойко начал читать свой краткий сравнительный курс.

В других университетах того времени или не было соответствующих кадров, или по тем или иным причинам чтение сравнительного курса славянских языков не было реализовано. Так например, в Московском университете долгие годы работал известный славист и деятельный член научных обществ М. Каченовский, однако интересы его были направлены прежде всего на историю и литературу славянских народов. Правда, в 1811 г. там была открыта особая кафедра славянской словесности, но занимавший ее М. Г. Гаврилов преподавал лишь старославянский язык [9, стр. 5; 5, стр. 18; 6, стр. 169–171]. В Петербургском университете, как отмечают его историки, в 20-ые годы в этой области царил застой. „Изложение языкознания производилось по де-Броссу с самыми дикими экскурсиями в область этимологии. О движении лингвистов в Германии не заходило сюда и слуха“, — писал В. В. Григорьев [10, стр. 73]. В Казанском университете характерной фигурой являлся Г. Н. Городчанинов, лекции которого имели мало отношения и к русской словесности, и к русскому языку; по воспоминаниям С. Т. Аксакова,

przeciągania złoŝek, a stąd co do miar wierszowych [57a, str. 79]. Liceum Wołyńskie w Krzemiencu — wykład dawnych w niem nauk [...] przepisany z własnoręcznego oryginału Oresta Nowickiego. Введение этого курса не было заслугой прежде всего Александровского. Еще в 1813 году устав Кременецкого лицея предусматривал необходимость такого предмета, как „Literatura rosyjska z filologicznym porównaniem języków polskiego z ruskim“ [29, л. 5], а еще раньше, в 1805 г., Т. Чацкий предполагал организовать курс славянских языков [46].

² Лобойко был знаком с Гулаком-Артемовским и в 1822 г. рекомендовал его Н. Румянцеву как способного переводчика [13, л. 4-об.]. Г.-Артемовский до службы в университете был одно время домашним учителем в польских шляхетских домах [57, стр. 234].

он был „человек бездарный и отсталый“ [11, стр. 133; 7, стр. 132]. В Дерптском (Тартуском) университете довольно недолго (только в 1810–1811 гг.) [15, вып. 63, стр. 80–83, 139–140; вып. 65, стр. 191–203] работал широко образованный профессор А. С. Кайсаров, остальные профессора оригинальностью научной мысли не отличались [16, стр. 130–166]. В Варшавском университете следует отметить филологическую деятельность Ф. Бентковского [45, стр. 113], неосуществленный замысел курса „славянских наречий“ С. Б. Линде и его руководство при разработке программы путешествия по славянским землям А. Кухарского [56, стр. 7]; языковедческие экскурсии в курсе польской литературы К. Бродзинского [44, стр. 131; 34, стр. 423, 433]. Однако сравнительного курса славянских языков в программе не было. О развитии славяноведческой науки в это время в онемеченном Львовском университете и говорить нечего [39, стр. 243; 36, стр. 109]. В Кременецком лицее, который по уровню преподавания ряда дисциплин мог соперничать с университетами, в 1805 г. Т. Чацкий пытался привлечь к преподаванию славянских языков К. С. Мронговиуша, но замысел этот не был осуществлен [46, стр. 73].

Интересно было бы сравнить эти данные со сведениями о первых попытках сравнительного и сопоставительного изучения славянских языков в западноевропейских (прежде всего в Пражском, а также в немецких) университетах. Насколько нам известно, в ряде немецких университетов, начиная с XVIII века, существовали только лектораты различных славянских языков, возникшие по причинам скорее всего не научного, а политического и историко-культурного характера³. Как отмечает И. В. Ягич, австрийские власти недоброжелательно относились к славянскому движению, и поэтому в Венском университете Ф. Миклошич был назначен профессором славянских языков и литератур только после революционных событий 1848–1849 гг. [24, стр. 699]. В Берлинском и Вроцлавском университетах кафедры славянских языков и литератур были организованы с 1841 г. [33, стр. 267]. Деятельность известных чешских, словацких и сербских славистов в этот период не была связана с университетами. В лекциях в Пражском университете мало отражались научные достижения в области славянского сравнительного языкознания. Предметом преподавания был чешский язык [49, стр. 41].

Проект приглашения славянских ученых на кафедры в русские университеты существовал еще в 20-ые годы XIX в., но только университетский устав 1835 года постановлял открыть новую кафедру „истории и литературы сла-

³ Современные немецкие ученые причину начала изучения славянских языков в XVIII веке в Иенском и Галльском университетах объясняют прежде всего политическими соображениями [40, 52, 53].

вянских наречий”, а деятельность первых русских профессоров славяноведения — И. И. Срезневского, О. М. Бодянского, В. Григоровича, П. Прейса — относится к еще более позднему времени [24, стр. 310; 30, стр. 98–99]. Таким образом, сравнительный курс славянских языков в Вильнюсском университете был введен раньше, чем в ряде других университетов.

О том, как Лобойко проводил эти лекции, можно судить по его конкурсной работе, часть которой носила название „О языкознании“ [12] и которую он, несомненно, использовал, а также по его экзаменационным вопросам. Последние отражают, по-видимому, тот круг основных проблем, который Лобойко сообщал студентам, а затем у них спрашивал. Студенты должны были характеризовать главные диалекты русского языка [22, л. 85, 88; 23, л. 22, 24-об.], указывать на фонетические и морфологические различия „славянских диалектов“ [22, л. 86]. Некоторые вопросы требовали сравнения русского и польского [22, л. 80, 85–86; 23, л. 22], русского, польского и старославянского языков [22, л. 126; 23, л. 25].

Рукопись „О языкознании“ — черновик. Конец ее отсутствует, но все же по ней можно судить о содержании 3-й и 4-й глав конкурсной работы Лобойко. Состоит она из следующих разделов: 1) краткого, не озаглавленного введения (л. 2–2-об.), 2) „Обзорение успехов истории и философии слова“ (л. 3–8-об.), 3) „Важнейшие эпохи истории человеческого слова и теории его образования“ (л. 8–13-об.), 4) „Происхождение европейских языков и отношение их к словенскому“ (л. 14–19) и 5) „О происхождении словенского языка“ (л. 19–23-об.).

Во введении Лобойко говорит о необходимости оберегать язык в годы национальных бедствий. „Освященный доблестью и памятью предков наших он один способен утешить нас в жестоком унынии и во время всеобщего бедствия. Хранитель народами имени, он бывает грозным мстителем нарушителей отечественного покоя, и гордое властолюбие в своем унижении народа почитает язык его опаснейшим врагом своим“, — писал он. Затем Лобойко противопоставляет римлян, „усугубивших иго своего владычества игом языка“, Александру I, который позволяет народам пользоваться своими законами и родным языком. Введение кончается замечанием о радости слышать славянскую речь, так близкую его родной речи. „Меч и власть посеяла между единоплеменными народами вражду и заглушила чувства родства их. Ненависть их действует живее, поелику она изъясняется понятнее, но родные звуки, или близкие к родным, в отдалении от отечества имеют неизъяснимую прелесть“.

„Обзорение успехов истории и философии слова“. В изучении языка наука сделала еще мало. Автор желает внести и свою лепту в познание „драгоценнейшего преимущества человека“.

Созерцание обогащает умственный мир человека, который создается орудием слова. Дар слова отличает человека от „бессловесных тварей“. Язык нужно изучать, и счастлив тот народ, который имеет своих Джонсонов⁴, Аделунгов и Линде. Язык отражает историю мышления и историю человечества. Следует отделить историю философии слова от „истории и философии ума“. Критическая сравнительная филология должна служить опорой истории народа. Ссылаясь на Августа Людвиг Шлёцера, Лобойко говорит о пользе сравнительной филологии для этнографии и о необходимости изучать языки и культуру малоизученных народов⁵. Сравнительное изучение языков помогает выявить их общее свойство и отношение одного языка к другому. Из авторов, писавших труды в этой области, Лобойко приводит Аделунгов⁶. Лобойко считал, что ошибки при сравнительном изучении языков свидетельствуют только о „младенчестве“ метода их сравнительного познания, а не о его тщетности. Решение общих вопросов истории человеческого слова помогает в сравнительном изучении языков. Утверждая это, Лобойко ссылается на труд Рюдигера (I.C.C. Rüdiger, *Grundriss einer Geschichte der menschlichen Sprache nach allen bisher bekannten Mund- und Schriftarten*). Он обращает внимание на самых известных современных ему языковедов: Р. К. Раска, С. Б. Линде, И. Добровского, отмечает необходимость написания „достоверной и полной“ истории отдельных национальных языков. Ссылка при этом на И. С. Фатера и пожелание „настоящих успехов“ в области философской грамматики говорят о том, что Лобойко еще не свободен от традиций языкознания XVIII века⁸. Впрочем, и в начале

⁴ Лобойко имеет в виду английского лексикографа С. Джонсона (Samuel Johnson, 1709–1784, автор „Dictionary of the English Language“).

⁵ Приведенная Лобойко обширная цитата взята им из сочинения Шлёцера „Allgemeinen nordischen Geschichte“ (Halle, 1771), пользовавшегося широкой известностью в ученом мире конца XVIII – начала XIX века. Ценил его И. Добровский [37, стр. 225], хорошо известен был этот труд в Словакии [50, стр. 737]. Как видно из сравнения перевода с оригиналом, Лобойко приводит с некоторыми пропусками текст Шлёцера от стр. 286 до стр. 288, включая сноски, содержащие ссылки на мысли Лейбница о пользе языкознания для истории и этнографии и необходимости изучения таких языков, как лапландский, калмыцкий.

⁶ Лобойко часто обращался к „Mithridates“ И. Х. Аделунга и И. С. Фатера, а также к труду Ф. Аделунга о словаре Екатерины II.

⁷ В своих сносках Лобойко часто не указывает страниц труда, на который ссылается. Можно предположить, что он был знаком с мнениями некоторых авторов из вторых рук. Так о работе Рюдигера Лобойко мог знать по сочинению Ф. Аделунга „Catherinens der Großen Verdienste um die vergleichende Sprachkunde“, St. Petersburg, 1815, которое находилось даже в его личной библиотеке (см. список книг из его библиотеки, подаренных чешскому музею в Праге [35, стр. 821, № 221]).

⁸ Лобойко в качестве библиографического источника об успехах философской грамматики использовал работу И. С. Фатера [51].

XIX века многие ученые ценили эрудицию и многогранность исследований Фатера, который сотрудничал в издании И. Добровского „Slovanka“ [32, стр. 162]. О влиянии традиций XVIII века свидетельствуют и последующие замечания Лобойко о сравнительном словаре Екатерины II. Лобойко был знаком с критическим разбором словаря, сделанным К. Краусом и помещенным в широко использованной Лобойко книге Ф. Аделунга „Catherinens der Großen Verdienste...“ (стр. 110 и далее), но цитирует лишь общие рассуждения Крауса о „пользе сравнительной филологии для психологии и истории“, ссылаясь одновременно и на работу Броссе (De Brosses, *Traité de la formation mécanique des langues et des principes physiques de l'étymologie*, Paris, 1765). Вслед за Ф. Аделунгом („Catherinens der Großen Verdienste“, стр. 42–47) он высоко оценивает труд Ф. Николаи „Tableau général de toutes les Langues du Monde avec un catalogue préliminaire des principaux dictionnaires dans toutes les Langues“. В конце раздела кратко упоминается об изучении языков азиатских и американских народов, о предполагаемом сравнительном изучении языков народов Индии, о деятельности миссионеров в этой области.

„Важнейшие эпохи истории человеческого слова и теория его образования“. Раздел этот начинается с общего рассуждения о том, что „слово раскрывается в обществе“. „Нужда во взаимном пособии соединяет людей в общества“. Необходимость контактов вызвала возникновение разнообразных криков. „Вразумительные звуки“, входя в обращение, образуют язык. Круг значений „вразумительного звука“ сперва был широк, затем суживался. Первые слова обозначали первые предметы и первые действия. Успехи в развитии языка зависят от успехов развития общества, одновременно „успехи языка способствуют успехам разума“. Со временем человек от „созерцания жизни“ и отражения ее в языке переходит к „созерцанию языка“. Это стало возможно с появлением письменного языка. „Когда письменный язык образуется до той степени, что он во всех отношениях заменить может отсутствие говорящего, тогда грамматика его утверждена“. Сперва „гений языка“ образует коренные, „первообразные“ слова, что можно сравнить с деревом, растущим ввысь, затем язык обогащается и расширяется, подобно дереву, растущему вширь. На этой стадии языка, по мнению Лобойко, уже нельзя произвести ни одного коренного слова, ни одной грамматической формы. Язык обогащается только за счет производных слов и оборотов речи.

„Провозвестником“ каждого рождающегося языка являются местоимения. Затем возникают „имена чувствительных предметов“ („субстантива“), из существительных выделяются прилагательные, глагол появляется позже, т.к. обозначение действия требует уже отвлеченного мышления. Более позднее возникновение глагола, по мысли Лобойко, иллюстрируется также поль-

скими формами прошедшего времени. Причастия на „и“ „суть прилагательные“. „Гений языка“ присоединяет к этим прилагательным особые окончания — „em“, „es“ и т.п., когда они должны обозначать действие. После возникновения в языке местоимений число окончаний глагола увеличивается. Спряжение глагола „esse“ есть ничто иное, как отвлечение окончаний, когда „гений языка“ представил окончания отдельно и увидел, что они означают существование предметов, свойств, лиц⁹.

Следующим этапом в развитии грамматического строя языка Лобойко считает выделение понятий „действие“ и „страдание“, уяснение различного значения окружающих предметов (орудие действия, место и т.п.), а следовательно, и возникновение падежей, недостаток форм которых возмещается предлогами; дальнейшее развитие мышления приводит к выделению числительных, наречий. Создавшийся таким образом „первобытный язык“ обнаруживает „обилие грамматических форм“. В дальнейшем язык „портится“, приходит в упадок, многие грамматические формы выходят из употребления. „Народ расторгается на части чужими племенами. Язык превращается в наречие“. (Аналогичные утверждения находим также в упоминаемой уже нами книге учителя Лобойко — харьковского профессора И. Рижского. Подобным же образом излагал историю языка А. Шишков в своём „Опыте рассуждения о первоначальном единстве и разности языков...“ (1817). Вообще теория о „порче“ языка в истории его развития была характерна для ученых

⁹ В отличие от предыдущего раздела, который изобилует ссылками (правда, часто очень неполными), в данном разделе они почти отсутствуют. В содержании можно усмотреть отзвуки мыслей Лейбница (о необходимости изучать отношение языка и мышления а также языковой материал самых различных и часто малоизученных языков). Лобойко был воспитанником Харьковского университета и учеником проф. И. Рижского. В рассматриваемом разделе чувствуются следы влияния учебника Рижского „Введение в круг словесности“ (Харьков, 1806), по которому в годы студенчества Лобойко И. Рижский читал свои лекции. (§ 13 этой книги назывался „О происхождении слова“, § 14 — „Об успехах слова“, § 15 — „Об изменении языков от взаимного народов сообщения“, § 19 — „Начальные понятия о составе человеческого слова и о главнейших изменениях некоторых частей речи“.) Работа Ф. Бопла „Ueber das Conjugationsystem der Sanskritsprache in Vergleichung mit jenem der griechischen, lateinischen, persischen und germanischen Sprache...“, в которой автор каждый глагол рассматривает как состоящий из именной части и глагола „быть“ и в личных окончаниях глаголов ищет след местоимения [31, стр. 183], возможно, была известна Лобойко. Приведенные нами его рассуждения о глаголах, по-видимому, имели источником этот труд. Если это предположение правильно, то Лобойко в своей конкурсной работе опередил И. Калайдовича и следовало бы несколько поправить С. Булича, считавшего, что теория Бопла о личных окончаниях глагола, распространенная на Западе с 1816 года, стала известна в России лишь в 1823 году благодаря И. Калайдовичу [8, стр. 1050]. Можно также предположить, что рассуждения Лобойко о глаголах и причастиях отражают влияние известного труда А. Востокова „Рассуждение о славянском языке...“ (1820).

XVIII века и для тех языковедов XIX века, которые не порвали с традициями предшествующей эпохи.)

В начале третьего раздела – „Происхождение европейских языков и отношение их к славянскому“ – излагаются положения А. Л. Шлёцера о происхождении народов Европы со ссылкой на „Allgemeine nordische Geschichte“¹⁰. Затем, основываясь на труде Х. Г. Арндта „Ueber den Ursprung und die verschiedenartige Verwandtschaft der europäischen Sprachen...“ (Frankfurt am Main, 1818), который находился в его личной библиотеке (№ 224 указанного перечня книг), Лобойко говорит о делении языков на группы, начиная с деления, встречающегося у древних греков. Рассматриваются языки Индии, кельтские, чудские, кавказские. Лобойко говорит о „сродстве“ германских и славянских языков, которое еще больше обнаруживается, если сравнить не только слова, но и „внутреннее строение“ языков¹¹, ссылаясь при этом также на работы В. Джонса, О. Франка, П. де Сент Бартеллеми¹². В связи с вопросом о родстве скандинавских народов Лобойко указывает на вышедшую в 1818 году работу Р. К. Раска „Undersøgelse over det gamle nordiske eller islandske Sprogs Oprindelse“, которая, как известно, положила основу развитию сравнительного языковедения наряду с исследованиями Боппа. Лобойко, хотя и переписывался с Раском, но в то время

¹⁰ На стр. 14 – 14-об. рукописи Лобойко, не излагая хода рассуждений Шлёцера и ряда его сомнений и предположений, опуская иногда часть текста, приводит цитаты, звучащие у него при таком способе подачи как аксиомы. Ср. например, у Шлёцера: „Asien ist die Wiege des menschlichen Geschlechtes“, „Folglich ist Europa ursprünglich and zu allererst von Asien aus bevölkert worden“ (S. 226), „Lauter Möglichkeit, von denen sich aber, aus Mangel der Zeugnisse, keine zur Wahrscheinlichkeit erheben lässt: und noch dazu Möglichkeiten, die uns in der Hauptsache um keinen Schritt weiter bringen“ (S. 227); у Лобойко же аксиоматически: „Азия есть колыбель рода человеческого, следовательно, Европа первоначально и прежде всего населена из Азии“. У Шлёцера: „Die letzten, oder die Europäischen Küsten-Bewohner, kommen von den erstern oder den Asiatern her, nicht umgekehrt. Dies versteht nicht von selbst, sobald dass man nur annimmt, das Asien der Stammsitz des ganzen menschlichen Geschlechtes sei“; У Лобойко: „Последние или европейские поморяне (Küsten-Bewohner) происходят от первых, а не наоборот“. Лобойко перевел то, что у Шлёцера выделено жирным шрифтом, и выписал шесть шлёцеровских положений (со стр. 272 – 277).

¹¹ Как пишет сам Лобойко, он собрал воедино и расположил „в некотором порядке“ мысли Арндта. Излагая на шести страницах (л. 14 – 17) свое понимание взглядов Арндта и адресуя свое сочинение на суд виленских профессоров, Лобойко опустил почему-то раздел книги Арндта, посвященный балтийским языкам (стр. 97 и далее в указанном сочинении Арндта).

¹² Возможно, имеются в виду следующие труды: W. Jones, Recherches asiatiques (Paris) или лейпцигское издание в „Magasin über Asien“; O. Frank, „De Persidis lingua et genio [...]“ (1809); P. Paulin de Saint Barthelemy, „De antiquitate et affinitate linguarum Zendicae, Samsoritanae et Germanicae“ (1798), известные в то время в России [18, стр. 636].

еще не вполне оценил значение этого труда, т.к. сразу же вслед за этим и как бы наравне с Раском он упоминает о В. Маевском („O Słowianach i ich pobratymach“, Warszawa, 1816, работа эта является лишь компиляцией [18, стр. 175]).

Далее Лобойко приводит деление языков на группы, которое, как он пишет, сообщил ему в письме К. Р. Раск (6 групп: „1) медийский и армянский [языки], 2) фракийский, 3) литовские, 4) славянские, 5) готские, 6) кельтские“). Затем — два деления языков на группы И. Х. Аделунга (из „Mithridates“ и более ранних сочинений).

В конце раздела находим деление „всех главных языков нашего полушария“ по работе проф. К. Г. Антона (на семитские, хамитские и яфетские), с указанием ряда морфологических черт, отличающих языки этих групп¹³.

Последний из сохранившихся разделов конкурсной работы — „О происхождении словенского языка“ — начинается с цитаты из книги И. Раича¹⁴. Лобойко говорит о трудности решения вопроса о происхождении славян. Затем перечисляет авторов, в трудах которых можно почерпнуть сведения о славянах: Ф. Дурих¹⁵, Ф. К. Альтер¹⁶, Ф. Шнуррер¹⁷, Я. Д. Яноцкий¹⁸, А. Л. Шлёцер, С. Б. Линде, И. Добровский, Е. С. Бандтке, И. В. Копитар, Ф. Рюс¹⁹, И. Г. Буле²⁰, Я. Потоцкий²¹ и др.

¹³ Ссылка на работу К. Г. Антона в тексте помечена, но соответствующей сноски нет. Вероятно, Лобойко использовал „Ueber Sprache mit Rücksicht auf Geschichte der Menschheit“ (1799). Этого слависта ценили в свое время И. Добровский и П. Шафарик [47, стр. 1334 — 335]. Известность за пределами Германии он заслужил своим основным трудом „Erste Linien eines Versuches über der alten Slawen Ursprung, Sitten, Gebräuche, Meinungen und Kenntnisse (Leipzig, 1783 — 1789) [55, S. 13].

¹⁴ Rajić Jovan. „Istorija raznih slavenskih narodov, naipače Bolgar, Horvatov i Serbov“ (t. I—IV, 1794 — 1795). Возможно, Лобойко пользовался не этим венским изданием, а петербургским изданием первой части (1795).

¹⁵ Не известно, был ли Лобойко знаком с вышедшей в Праге в 1777 г. его работой „Dissertatio de Slavo-Bohemika sacri codicis versione“. Цитат он не приводит и сноски не дает.

¹⁶ О Ф. К. Альтере и его „Philologisch-kritische Miscellaneen“ (1799) он, вероятно, знал из книги Ф. Аделунга „Catherinen der Großer Verdienste...“ [25, стр. 176, 177].

¹⁷ По-видимому, Лобойко знал и имел в виду „Slawischer Bücherdruck in Württemberg im sechzehnten Jahrhundert“ (1799).

¹⁸ Возможно, Лобойко был знаком с изданным в 1819 г. С. Б. Линде третьим томом собрания библиографических сведений Я. Д. Яноцкого „Janociana“.

¹⁹ В 1819 г. В. Ганка издал перевод из Ф. Рюса „Kratka historie slovenskich narodů“. Упоминание о Рюсе можно предположительно объяснить знакомством Лобойко с этим изданием.

²⁰ В Петербурге в 1810 г. была издана работа И. Г. Буле „Versuch einer kritischen Literatur der russischen Geschichte“, 1-er Theil.

²¹ Краткий обзор сведений по древним источникам о скифах, сарматах, славянах, который Лобойко дает в своей работе, он мог заимствовать из известной в то время работы Я. Потоцкого: „Fragments historiques et géographiques sur la Scythie, la Sarmatie et les Slaves“ (1795), которую современники ценили за богатый фактический материал [18, стр. 55 — 56].

Однако, продолжает Лобойко, остаются еще не решенными вопросы: 1) „какой язык является древнейшим и ближайшим к первообразному“, 2) „какой из них наиболее удалился от первообразного“, 3) „где критерии при решении первого и второго вопросов“, 4) „в чем состоит „гений“ славянских языков“.

Трудно предположить, что Лобойко был непосредственно знаком с сочинениями всех цитируемых и упоминаемых им старых авторов. Часто об их указаниях он только упоминает, не давая нигде какого-либо анализа и не приводя точных цитат. Для изложения древнейших сведений о славянах он мог использовать, кроме упомянутых работ Я. Потоцкого и И. Раича, также сочинение о славянах К. Г. Антона [26, Vorrede]. Данные о славянских племенах и славянских языках Лобойко мог почерпнуть из трудов Ф. Аделунга, И. Х. Аделунга, Х. Г. Арндта, К. Г. Антона, А. Л. Шлёцера, И. Добровского и др.

Поскольку по вопросу о группах и о количестве славянских языков в то время еще не было общепринятого мнения²², Лобойко ограничивается неполным перечислением, по-видимому, не будучи в состоянии разобраться в многочисленных группах и подгруппах у разных авторов. (Он писал: „...появились имена Моравии, Богемии, Польши, Лузаци, Силезии, России, Сербии и других“.) Вслед за И. Добровским Лобойко делит славянские языки на две группы²³, но „представителем“ 1-й группы считает русский язык,

²² Например, Ф. Аделунг вслед за И. Х. Аделунгом перечисляет множество славянских языков и наречий, деля их на две основные группы: восточную и западную, выделяя далее в восточной две группы – „русскую“ и „иллирийскую“, а в западной – „польскую“ и „чешскую“. В „русской“ группе он перечисляет следующие языки: 1) „славянско-русский церковный“, 2) „собственно русский диалект“, 3) „суздальский“, 4) „украинский“. В иллирийской группе: „сербский, болгарский, иллирийский, боснийский, далматский, рагузанский, краино-кroatский и др.“. В польской группе он перечисляет подгруппы: „мазурскую“, „кашубскую“, „слёнскую“. Балтийские языки Ф. Аделунг также причисляет к славянским языкам („Germanisch-Slawischen oder Lettischen Sprachen“). Х. Арндт перечисляет 17 „диалектов славянского языка“ [27, стр. 85–96]. К. Г. Антон в разных разделах своего труда приводит различные данные: на стр. 3 перечисляет 12 славянских языков, на стр. 7 прибавляет ещё 3 („slowakisch“, „kassubisch“, „altrussisch“, „die russische Kirchensprache“; кроме того, лужицких сербов он делит на 3 группы, а жителей Шлёнска – на 5 групп [26, стр. 3, 7]. А. Л. Шлёцер называет 9 основных групп славянских языков [48, стр. 331–334]. В его же работе „Russische Annalen“ находим 8 славянских языков [8, стр. 1147]. В классификации Добровского различались „славянский язык“ („Slawische Sprache“) и диалект („Mundart“) славянского языка [42, стр. 101–102]. С. Б. Линде в предисловии к своему словарю перечислял 12 славянских „языков и диалектов“.

²³ Еще в 1817 г. Лобойко записал в своем „плане научных занятий“: „Перевести из „Митридата“ И. Х. Аделунга описание и различие славянских наречий с дополнениями и поправками Добровского...“ (подчеркнуто нами. – А.К.). К моменту написания кон-

а 2-й — польский. Далее, ссылаясь на Т. Чацкого²⁴, Лобойко говорит о влиянии чешского языка на польский в XV и XVI столетиях, о давней близости этих языков, сходство которых выражается как в словах, так и в „грамматических формах“. „Гений“ польского языка должен освободиться от чешского влияния. Древнепольский язык достиг высокой степени развития, хотя такой древней рукописи, как Краледворская, и не сохранилось. (Лобойко, как и его современники, не сомневался в ее подлинности²⁵.)

На вопрос о том, какой язык является источником развития всех славянских языков, Лобойко прямого ответа не дает. Не высказывая своего отношения, он указывает на мнения И. Х. Гаттерера²⁶ и С. Богуша-Сестренцевича²⁷, относивших к славянам и балтов, и на мнение некоторых ученых, считавших славян сарматами.

Затем Лобойко говорит о близости „церковно-славянского, русского и малороссийского“²⁸ языков с литовским, но отрицает возможность утверждения о „единоплеменности“ этих языков. Взаимное отношение этих групп, по мнению Лобойко, подобно отношению исландского и немецкого языков, „происходящих из готского“, как он считал, разделяя ошибку многих своих современников.

Лобойко приводит гипотезы о характере церковно-славянского языка, ссылаясь на предположение Фатера из его введения к книге „Praktische Grammatik der Ruischen Sprache“ о том, что это язык болгаро-сербский, а также на мысль Добровского из „Slavina“, что это язык старосербский. Хотя, как указывает Лобойко, некоторые ученые считали „старославянский родоначаль-курсовой работы он мог быть знаком со следующими публикациями Добровского: Über die altslawonische Sprache nach Schlözer mit Anmerkungen von J.D.“ („Slavin“, 1806), „Geschichte der böhmischen Sprache und Literatur“. Из последней он и взял, только несколько видоизменив, деление всех славянских языков на 2 группы [41, стр. 257].

²⁴ В плане научных занятий Лобойко за 1817 г. находим отражение его интереса к литовской истории. Тогда, вероятно, он и познакомился с трудом Т. Чацкого „O litewskich i polskich prawach“.

²⁵ „Найденная“ В. Ганкой в 1817 г. она вскоре стала известна в России. Я. Пожарский говорил о ней в примечаниях к своему переводу „Слова о полку Игореве“ (СПб, 1819), в „Известиях Российской Академии Наук“ (кн. VIII, 1820) перевод из нее помещает А. С. Шишков [3, стр. 76].

²⁶ Работы И. Х. Гаттерера 90-х гг. XVIII века были известны в ученых кругах [17, стр. 251].

²⁷ Уже современники очень критически относились к вышедшему в 1812 г. труду С. Богуша-Сестренцевича „Recherches historiques sur l'origine des Sarmates, des Esclavons et des Slaves“. Лобойко своего отношения к работе не высказывает.

²⁸ Интересно отметить, что Лобойко выделил малороссийский язык, не оказавшись под влиянием авторитета И. Добровского, который считал его диалектом русского языка [19, стр. 710].

ником всех прочих“, он согласен с мыслью Добровского и Каченовского²⁹ о том, что „...сей язык не мог быть коренным первообразным всего народа славянского, разделенного тогда на многие племена что он был наречием одного какого-нибудь племени“³⁰. Решить вопрос о „первообразном“ языке („сарматский это или какой другой“) еще нельзя, но определить отношение церковно-славянского к другим славянским языкам можно и нужно.

Лобойко различает понятия „народного языка“ и „письменного языка“. Одно из наречий, по его мнению, начинает выступать в качестве письменного языка (для иллюстрации он приводит сведения из работ Гиппинга о финском языке и из работы И. Х. Аделунга об образовании немецкого литературного языка³¹). Затем он указывает на изменения, происходящие в сербском языке, на реформаторскую деятельность Вука Караджича (не названного, правда, по имени: „один бедный писатель, воспитанный в самых недрах Сербии, любивший отечественные нравы“), который „первый даровал сербскому народу словарь и грамматику“, „списанные с натуры“, приспособил церковную азбуку „к произношению сего языка“, прибавив несколько новых букв³².

В конце рукописи Лобойко утверждает, что наблюдая создание современного письменного языка, можно по аналогии судить о древней истории „письменного словенского языка“.

Рукопись обрывается на кратком изложении содержания сербских песен.

Излагать столь подробно работу Лобойко „О языкознании“, не заключающую научных открытий, не имело бы смысла, если бы писал ее не буду-

²⁹ В „Трудах общества любителей российской словесности“ за 1817 г. (ч. VII, кн. IX, стр. 5–27) проф. М. Т. Каченовский поместил работу „О славянском и в особенности церковном языке“

³⁰ Лобойко не упоминает работы А. Х. Востокова „Рассуждение о славянском языке“, в которой уже был решен вопрос о принадлежности и основных чертах старославянского языка. Видимо, в момент написания своего конкурсного сочинения он не оценил еще должным образом этого исследования, которое было помещено в 1820 г. в „Трудах Московского общества любителей российской словесности“.

³¹ Точной ссылки на работу Аделунга нет, возможно, имеется в виду одно из перечисленных ниже сочинений: „Aelteste Geschichte der Deutschen, ihrer Sprache und Litteratur bis zur Völkerwanderung [...]“ (Leipzig, 1806); „Über den Ursprung der Sprache und den Bau der Wörter, besonders der deutschen [...]“ (Leipzig, 1781); „Über die Geschichte der deutschen Sprache, über deutsche Mundarten und deutsche Sprachlehre [...]“ (Leipzig, 1781).

³² В 1814 г. вышла написанная Караджичем „Pisemenica serbskoga jezika po govoru prostoga naroda parisana“. Не все современники так безоговорочно, как Лобойко, приняли реформу Караджича. И. Добровский, например, считал, что наряду с народным простым языком необходим и созданный для литературных целей особый, более возвышенный язык (stylus medius), опирающийся частью на церковно-славянский, частью на разговорный язык [38, стр. 14].

щий профессор Вильнюсского университета. Поскольку конспекты его лекций по этим вопросам отсутствуют, это один из немногочисленных источников, косвенно свидетельствующих об их содержании. (Лобойко собирался использовать свою конкурсную работу для преподавания. Об этом говорит адресованная в университет его просьба вернуть работу, необходимую ему для лекций [20, л. 7].)

Подводя итоги, отметим некоторые положительные факты, свидетельствующие об уровне его университетских лекций (насколько их можно себе представить по его конкурсной работе).

Среди противоположных мнений ученых Лобойко нередко выбирал теорию, более близкую к научной истине. Так, например, он различал праславянский („первобытный славянский“) и старославянский языки, хотя даже такие его современники, как Шлёцер и Каченовский, их отождествляли (отличали же – Добровский и Востоков [8, стр. 726, 797]). Как и Добровский, Лобойко не считал старославянский язык искусственно созданным (такие утверждения встречаем, например, у Карамзина и Н. Полевого [8, стр. 775, 800]). Лобойко указывал на близость славянских и балтийских языков. Лобойко материалистически, в духе учения Лейбница, решал вопрос о происхождении языка. Он указывал на тесную связь и взаимообусловленность языка и мышления, языка и истории народа, говорил о необходимости изучения языка для исследований истории народа и его культуры.

Не обладавший яркой творческой индивидуальностью, но широко знакомый с современными ему и старыми трудами по славистике, Лобойко мог направить интересы своих учеников прежде всего по пути компилятивно-библиографической работы. Компилятивностью характеризуется большинство студенческих филологических работ, выполненных в университете. С недостатком творческого подхода к изучаемым предметам старались бороться филоматы, которые остро его ощущали³³. Однако одновременно следует

³³ Сначала библиографическая деятельность одобрялась филоматами. В предложенной в 1818 г. А. Мицкевичем инструкции („Instrukcja do układania wiadomości naukowych“) говорится, что научные сообщения на заседаниях общества – это прежде всего сведения о работах, открытиях, наблюдениях. Источником их должны быть отечественные и иностранные журналы, новые труды ученых, а также полученные частным путем сообщения. Аналогичным было и высказывание Ежовского [28, стр. 136]. Однако после двух лет такой практики Ежовский ясно сформулировал ее недостатки. В 1820 г. он писал: „... Obieramy materiał trafem, [...] następnie staramy się o książki: im więcej narobimy wypisów, tym rozprawa nasza będzie dłuższa i doskonalsza. Lecz nie staramy się o takie materye, któreby nam samym każały postrzegać, postrzeżenia szykować, z sobą wiązać, nad nimi rozumować, czynić wnioski, zgola uczyć się myśleć [...]. Dotąd byliśmy prostymi cieślami; teraz zaczniemy być architektami [...] [54].

признать именно Лобойко основным инспиратором славянских языковедческих занятий студентов университета. Лобойко был, несомненно, более начитан в научных трудах по языкознанию, чем проф. Л. Боровский. Оценивая деятельность в славянском языкознании К. Г. Антона, В. Цайль считает, что его активность, его „импульсы“ так ценны, что отодвигают на второй план его ошибки [55, стр. 137]. Если с подобной точки зрения оценивать сравнительный курс Лобойко, то надо будет признать его несомненное значение как „импульса“ к более глубоким изучениям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айзеншток И. Я. „До перебування Міцкевича на Україні. А. Міцкевич і П. Гулак-Артемовський“, „Міжслов'янські літературні взаємини“, К., 1958,
2. Багалей Д. И. Опыт истории Харьковского университета, т. 2. Харьков, 1904.
3. Бармут А. И. Чешский и словацкий языки в истории русского и украинского языкознания. Киев, 1958, рукопись кандидатской диссертации.
4. Берков П. Н. К истории русско-польских культурных отношений конца XVIII – начала XIX века. И. Александровский – проф. русского языка и словесности в Кременецком лицее, Известия АН СССР, VI серия, отделение общественных наук, 1934.
5. Бернштейн С. Б. Вклад ученых Московского университета в изучение южных и западных славянских языков. Тезисы докладов юбилейной научной сессии, посвященной 200-летию университета, 9–13 мая 1955 г.
6. Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета, т. I. Москва, 1855.
7. Булич Н. Из первых лет Казанского университета, ч. 1. Казань, 1887.
8. Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. СПб, 1904.
9. Виноградов В. В. Развитие общего языкознания в Московском университете. Тезисы докладов юбилейной научной сессии, посвященной 200-летию университета, 9–13 мая 1955 г.
10. Григорьев В. В. Императорский Санктпетербургский университет... СПб, 1870.
11. Загорский Н. П. История императорского Казанского университета за первые 100 лет его существования (1804–1904), т. 1. Казань, 1904.
12. ИРЛИ, ф. 154, № 21.
13. ИРЛИ, ф. 154, № 103.
14. Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905), под ред. М. Г. Халанского и Д. И. Багалая, Харьков, 1908.
15. Лотман Ю. М. Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени. Ученые записки Тартуского университета, вып. 63, Тарту, 1958. Рукопись А. Кайсарова „Сравнительный словарь славянских наречий“, 1805 г. Публикация и предисловие Ю. М. Лотмана (там же, вып. 65, 1958).
16. Правдин Б. Русская филология в Тартуском университете. Ученые записки Тартуского университета, вып. 35. Тарту, 1954.
17. Топоров В. Н. Очерк истории изучения древнейших балто-славянских языковых отношений. Ученые записки института славяноведения АН СССР, т. 17, 1950.

18. Францев В. А. Польское славяноведение конца XVIII и первой четверти XIX ст. Прага, 1906.
19. Чехович Р. К. Иосиф Добровский и украинська мова. „Slavia“, IX, 4.
20. ЦГИА Лит. ССР, ф. 721, оп. 1, № 51.
21. ЦГИА Лит. ССР, ф. 721, оп. 1, № 91.
22. ЦГИА Лит. ССР, ф. 721, оп. 1, № 1112.
23. ЦГИА Лит. ССР, ф. 721, оп. 1, № 1115.
24. Ягич И. В. История славянской филологии. СПб, 1910.
25. Adelung F. Catherinens der Großen Verdienste um die vergleichende Sprachkunde, Petersburg, 1815.
26. [Anton K. C.] Erste Linien eines Versuches über der alten Slaven Ursprung, Sitten, Gebräuche, Meinungen und Kentnisse von [...], Leipzig, 1783–1789.
27. Ch. G. von Arndt. Ueber den Ursprung und die verschiedenartige Verwandtschaft der europäischen Sprachen [...], Frankfurt am Main, 1816.
28. Archiwum Filomatów, cz. 1, Materiały do historii Towarzystwa Filomatów, t. 1, wyd. S. Szpołański i S. Pietraszkiewiczówna, Kraków, 1920–1921.
29. Archiwum im. Czartoryskich, nr. 2081.
30. Batowski H. Historia polityczna jako tło początków filologii słowiańskiej. „Z polskich studiów slawistycznych“. Warszawa, 1958.
31. Baudouin de Courtenay J. Zarys historii językoznawstwa. Warszawa, 1909.
32. Bernhagen W. Johann Saverin Vater, ein vergessener Slawist des 19. Jahrhunderts, Beiträge zur Geschichte der Slawistik, herausgegeben von H. Bielfeldt und K. Horálek, Berlin, 1964.
33. Hans Holm Bielfeldt. Die Geschichte des Lehrstuhls für Slawistik an der Berliner Universität, Beiträge zur Geschichte der Slawistik, herausgegeben von H. H. Bielfeldt und K. Horálek, Berlin, 1964.
34. Bieliński J. Królewski Uniwersytet Warszawski, t. III. Warszawa, 1907.
35. „Časopis Českého Musea“, 1853.
36. Czarnik B. Ossoliński i katedra języka i literatury polskiej na Uniwersytecie Lwowskim. „Pamiętnik Literacki“, t. 1. Lwów, 1902.
37. Dolanský J. Die tschechische Slawistik des 18. Jahrhunderts und Schlözer, Lomonosow-Schlözer-Pallas, deutsch-russische Wissenschaftsbeziehungen im 18. Jahrhundert, Berlin, 1962.
38. Dostál A. Vuk Stefanović Karadžić a cirkevneslovansky jazyk, Acta Universitatis Carolinae, Philologica, 2, Slavica pragensia, VI, Praha, 1964.
39. Finkel L., Starzyński S. Historia Uniwersytetu Lwowskiego, Lwów, 1894.
40. Othmar Feyl. Beiträge zur Geschichte der Slawischen Verbindungen und internationalen Kontakte der Universität Jena, Jena, 1960.
41. Grabowski T. S. Józef Dobrowski – twórca slawistyki naukowej. Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego, nr. 59, prace historyczno-literackie. z. 5, Kraków, 1963.
42. Hawránek B. Význam Josefa Dobrovského pro slovanskou jazykovedu. [w:] Josef Dobrovský, 1753–1953, sborník studií k dvoustému výročí narození, Praha, 1953.
43. Lehr-Splawiński T., Urbańczyk S. Przegląd dziejów słowianoznawstwa w Uniwersytecie Jagiellońskim. Uniwersytet Jagielloński, wydawnictwo jubileuszowe, t. IX, Wydział Filologiczny Uniwersytetu Jagiellońskiego pod red. W. Taszyckiego i A. Zaręby, Kraków, 1964.
44. Libera Z. Brodziński K. [w:] Z dziejów polonistyki warszawskiej, Warszawa, 1964.
45. Makowski S. Bentkowski F. [w:] Z dziejów polonistyki warszawskiej, Warszawa, 1964.

46. Mężyński K. K. C. Mrongowiusz jako kandydat na profesora gramatyki języków słowiańskich w gimnazjum Krzemienieckim. Rocznik Gdański, t. XXI, 1962.
47. Pohrt Heinz, Karl Gottlob von Anton und seine slawistischen Interessen. Neues aus dem Nachlaß. Beiträge zur Geschichte der Slawistik, herausgeben von H. H. Bielfeldt und K. Horálek, Berlin, 1964.
48. Schlözer A. Z. Allgemeine nordische Geschichte. Halle, 1771.
49. Slovanská filologie na Universitě Karlově. Vydala Universita Karlova k. VI. mezinárodnímu sjezdu slavistů v Praze, Praha, 1968.
50. Tilenský J. Schlözera Bedeutung für die in Slowakai im 18. Jahrhundert herrschenden Aussichten über die Slawen. Lomonosow-Schlözer-Pallas. Deutsch-russische Wissenschaftsbeziehungen im 18. Jahrhundert, Berlin, 1962.
51. Vater J. S. Uebersicht der Neuesten was für Philosophie der Sprache in Deutschland gethan worden ist in Einleitungen, Auszugen und Kritiken, Gotha, 1799.
52. Winter E. Halle als Ausgangspunkt der deutschen Rußlandkunde im 18. Jahrhundert, Berlin, 1953.
53. Winter E. Die Pflege der west- und südslawischen Sprachen in Halle im 18. Jahrhundert, Beiträge zur Geschichte des bürgerlichen Nationwerdens der west- und südslawischen Völker, Berlin, 1954.
54. Wybór pism Filomatów, wyd. 2, A. Witkowska (wstęp do wyd.), Wrocław-Kraków, 1958.
55. Zeil W. Znaczenie Karła Gottloba von Antona (1751-1818) dla rozwoju nauki, w szczególności slawistyki. „Pamiętnik Słowiański“, r. XIX, Wrocław - Warszawa - Kraków, 1969.
56. Źródła do historii Uniwersytetu Warszawskiego, t. 1, Księga protokołów Rady ogólnej [...]. Wydał R. Gerber, Warszawa, 1958.
57. Zwoliński P. Naśladowania psalmów przez Hułaka - Artemowskiego i ich pierwowzór, „Slavia Orientalis“, 1965, nr. 2.
- 57a. Biblioteka Jagiellońska, rękopis, Nr. 5912.

TO THE PROBLEM OF TEACHING SLAVONIC LINGUISTICS IN THE OLD VILNIUS UNIVERSITY

A. KAUPUŽA

Summary

According to the book of reports of Literature and Free Arts department in the Vilnius University prof. Loboiko still in the year of 1824 began to read a short course in comparative grammar of Russian, Polish and Old Slavonic languages. It was one of the first attempts of reading such a course not only in the universities of Russian Empire but in the universities of West countries as well. In his lectures prof. Loboiko had been using his competitive work and the manuscript which had been preserved in Leningrad Institute of Russian Literature. In the article the author presents in short the content of Loboiko's work and comes to the conclusion that Loboiko being well acquainted with the scientific literature of his time could arouse students' interest in Slavonic languages.